

Прошло уже полчаса, а Гу Инь всё не возвращался. Линь Цинъю опустил рукава и вдруг вспомнил, что в саду духовных растений расставил множество собственноручно созданных защитных магических инструментов.

Какая досада!

Линь Цинъю с застывшим лицом поспешил наружу спасать Гу Иня — лишь бы тот не погиб.

Увидев, что с Гу Инем всё в порядке, он слегка выдохнул. Но в следующее мгновение, заметив, что тот собрал целую корзину зеленой травы в его бережно культивируемом саду, Линь Цинъю едва не задохнулся от возмущения.

Он даже не успел задуматься, почему защита не сработала на Гу Иня: зеленые лозы, повинувшись воле хозяина, мгновенно схватили парня и швырнули на землю.

— Ой! Учитель, за что вы меня? — Гу Инь, потирая ушибленный зад, поднялся на ноги и принялся оправдываться: — Я увидел здесь овощи и хотел набрать немного, чтобы приготовить вам обед.

Линь Цинъю смотрел на него ледяным взглядом, в котором не было ни капли тепла, хотя в глубине души он уже жалел о содеянном. Он понимал, что Гу Инь действовал из лучших побуждений, но эти растения были ему дороги — многие из них он выращивал больше десяти лет, так что гнев был неизбежен.

Он не был бесчувственным человеком. Видя, как жалок и беспомощен Гу Инь, Линь Цинъю понимал: если бы у того был другой выбор, разве стал бы он проситься на Пик Бусянь к учителю, лишенному духовной силы?

Линь Цинъю заставил себя смягчиться, хотя голос остался прохладным:

— Прости.

Сказав это, он отвел взгляд, словно пытаясь спрятаться.

Гу Инь, заметив такую перемену, почувствовал, как внутри всё сжалось, словно от кошачьих коготков, и гнев мгновенно испарился.

Он про себя вздохнул: красота и правда сбивает с толку, древние не лгали.

За короткое время, проведенное вместе, он понял, что его прекрасный учитель — сама невинность, словно маленький белый кролик, не знающий мира. Кроме привычки строить из себя грозного, он был довольно мил и даже извинялся, если понимал, что был не прав.

Гу Инь широким шагом подошел ближе, отряхнул землю с одежды и, как ни в чем не бывало, по-свойски положил руку на плечо Линь Цинъю, бодро заявив:

— Слушай, ты такой молодой, не будь таким букой. Давай будем как братья, и... А-а-а!

Не успел он договорить, как лицо его исказилось от боли.

В тот же миг, как Гу Инь коснулся его, Линь Цинъю помрачнел. Он приложил всю свою силу, чтобы сбросить руку парня, и с силой вывернул её.

— А-а!

Гу Инь обхватил поврежденную руку, не веря в происходящее. У этого учителя просто ужасный характер!

Он взвыл, едва не плача:

— Зачем вы сломали мне руку?

Линь Цинъю отступил назад, его лицо стало еще холоднее:

— Еще раз так сделаешь — выгоню из учеников!

С этими словами он в гневе взмахнул рукавами и направился обратно в дом. Гу Инь, понуро качая повисшей рукой, поплелся следом. Недаром он главный злодей: ни за что ни про что калечит людей, просто невыносимо жестокий тип.

Он уже приготовился остаться голодным, но, увидев на столе кашу и легкие закуски, снова сменил гнев на милость.

Он признавал, что у него нет ни капли гордости.

Раздался холодный голос Линь Цинъю:

— Умойся и садись есть.

Гу Инь был тронут до глубины души. Расплывшись в улыбке, он ответил:

— Слушаюсь, учитель! — правда, из-за сломанной правой руки ему пришлось неуклюже орудовать левой.

Линь Цинъю, глядя на улыбку Гу Иня, неестественно отвел глаза и ушел вглубь дома. Он знал, что у него скверный нрав и он никому не нравится. Во всей Академии Цанцюн его никто не любил, и даже если Гу Инь всегда встречал его с улыбкой, это была лишь вынужденная покорность человека, которому некуда идти.

Даже если Гу Инь в чем-то виноват, он не должен был обижать слабого и ломать ему руку.

А Гу Инь, который уже проголодался, даже не догадывался, сколько мыслей пронеслось в голове у холодного Линь Цинъю.

Хотя обед был самым простым, он наелся с большим удовольствием.

— Учитель, не ожидал, что вы умеете готовить.

Линь Цинъю нахмурился:

— Во время еды не разговаривают.

Гу Инь виновато замолчал, продолжая уплетать еду. Краем глаза он поглядывал на Линь Цинъю и украдкой улыбался: не стоит думать, что он не заметил раскаяния на лице учителя.

Через некоторое время он, забывшись, снова спросил:

— Учитель, мы здесь только вдвоем?

Линь Цинъю с силой опустил миску на каменный стол.

Гу Инь тут же закрыл рот.

После обеда, желая проявить себя, Гу Инь вызвался помыть посуду, и тут услышал голос Линь Цинъю:

— Еще есть Дахуан и А-Тэн.

Гу Инь сначала не понял, о чем речь, но потом догадался, что учитель отвечает на его вопрос.

Луна высоко поднялась в небе. Линь Цинъю медленно подошел ближе, и сердце Гу Иня пропустило удар. Он смотрел прямо в глаза учителю, чувствуя, как внутри всё трепещет.

Вдруг тишину пререзал резкий крик.

— А-а-а!!!

Раздался хруст — Линь Цинъю вправил Гу Иню руку. Довольно кивнув, он, не обращая внимания на вопли парня, ушел к себе.

Гу Инь, обливаясь потом от боли, хотел было попросить у него обезболивающее, но, подойдя к двери, услышал приглушенный кашель.

Кажется, прекрасный учитель не так уж силен здоровьем.

Вскоре свет свечи в комнате погас.

Гу Инь вернулся в свою спальню.

Линь Цинъю приготовил для него комнату и все необходимые вещи. Гу Инь с комфортом улегся в кровать, размышляя о том, что учитель лишь снаружи кажется неприступным, а на деле — очень внимательный человек.

Сон одолел его, и он провалился в глубокий отдых.

Спалось ему прекрасно, пока у самого уха не раздался мягкий детский голосок:

— Хозяин, через полчаса начнется церемония для новых учеников, пожалуйста, не опаздывайте.

Гу Инь перевернулся на другой бок, не обращая внимания.

— Хозяин, через полчаса начнется церемония для новых учеников, пожалуйста, не опаздывайте.

Что?

Гу Инь резко открыл глаза, решив, что вернулся в реальный мир.

Но тут он увидел, что Цяньлин, полученный вчера при поступлении, светится под подушкой и всё повторяет ту же фразу.

Гу Инь в изумлении раскрыл рот.

Он взял Цяньлин в руки — на деревянной табличке засветились два иероглифа: Подтвердить.

Гу Инь коснулся их, и сладкий детский голос умолк.

Цяньлин — это не просто удостоверение ученика академии, у него оказалось столько функций!

Он быстро встал, привел себя в порядок и, распахнув дверь, увидел, что Линь Цинъю уже возится с травами на полках.

После вчерашнего случая в саду Гу Инь больше не осмеливался недооценивать эти растения.

Он подошел к Линь Цинъю и приветливо поздоровался:

— Доброе утро, учитель.

Линь Цинъю явно не привык к такой теплоте. Хотя он старался выглядеть не так сурово, в глазах Гу Иня он по-прежнему оставался холодным.

Гу Инь сказал, что идет на церемонию, а уходя, обернулся и встретился с взглядом Линь Цинъю.

Он тихо усмехнулся — с той самой юношеской энергией — и воспользовался моментом:

— Учитель, вы не знаете, какую технику культивации я мог бы изучать?

Линь Цинъю замер, его руки, перебиравшие травы, остановились. Он посмотрел на парня глазами, полными привычного холодного блеска.

— Я не знаю.

Линь Цинъю нахмурился, чувствуя боль в голове.

Он жил здесь тридцать лет, но многое забыл: забыл, кто он такой, почему здесь оказался, и даже то, куда делась его духовная сила.

<http://bllate.org/book/18807/1829243>